

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

Серия основана в 1994 г.

Этнография Алтая и сопредельных территорий

Материалы 9-й международной научной конференции,
посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии
лаборатории исторического краеведения
Алтайского государственного педагогического университета
(Барнаул, 28–30 октября 2015 г.)

Под редакцией Т. К. Щегловой

Выпуск 9

Барнаул
2015

УДК 39(571.15)
ББК 63.529(541)
Э916

Оргкомитет конференции:

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор (председатель),
Рындина Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор (сопредседатель),
Фурсова Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Грибанова Наталья Святославна, кандидат исторических наук,
Рыков Алексей Викторович, магистр педагогического образования

Ответственный редактор:

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор

Э916 Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул : АлтГПУ, 2015. — 388 с. : ил.
ISBN 978-5-88210-783-2

Издание носит серийный характер. В нем представлены исследования специалистов из ведущих научных центров РФ и стран СНГ по этнографии, истории и культуре Алтая и сопредельных территорий. Разделы сборника отражают наиболее значимые направления современной этнографии. Главной темой конференции являлось рассмотрение этнокультурных ресурсов социоэкономического развития регионов. Традиционным стало обсуждение сюжетов по этнической культуре славянских народов; по истории, традиционной культуре и современному социальному развитию тюркских народов. Дальнейшее освящение получили вопросы, связанные с формами и методами изучения, сохранения и популяризации этнокультурного наследия народов Евразии, а также с развитием устной истории как источника и метода этнологических и антропологических исследований.

Сборник имеет теоретико-методологическую и научно-практическую направленность. Интерес представляют публикации полевых этнографических материалов, оригинальных устных и архивных источников. Издание может быть полезно широкому кругу специалистов гуманитарных наук, а также обширной читательской аудитории.

Материалы конференции демонстрируют вариативность методов, подходов и выводов представителей различных научных центров и школ. Редакционная коллегия оставляет за авторами право на собственную точку зрения.

УДК 39(571.1/5) + 39(5)
ББК 63.3(2Р5) + 63.3(5)

*Организация конференции и издание сборника осуществлены
при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-11-22502 з(р)
и администрации Алтайского края*

ISBN 978-5-88210-783-2

© Алтайский государственный
педагогический университет, 2015
© Т. К. Щеглова, составление,
редактирование, 2015

Источники и литература

1. Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941–1945. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. 555 s.
2. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 324 с.
3. Белковец Л. П. Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 284–313.
4. Бруль В. И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 338–349.
5. Бугай Н. Ф. 40-е годы: Автономию немцев Поволжья ликвидировать... // История СССР. 1991. № 2. С. 172–179.
6. Герман А. А. Депортация советских немцев из европейской части СССР осенью 1941 г. // Культура. Информационно-методический бюллетень. 2006. № 11. С. 26–54.
7. Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев России. М.: МСНК-пресс, 2005. 544 с.
8. История российских немцев в документах (1763–1992). М.: МИГУП, 1993. 447 с.
9. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. 2000. Д. 151-1.
10. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. 1999. Д. 149-2.
11. Ремпель П. Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 69–96.

Щеглова Татьяна Кирилловна

Алтайский государственный педагогический университет

Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты¹

Аннотация. В статье ставятся проблемы введения в научные тесты материалов интервью (устная история) и их интерпретации. Они решаются на примере рассмотрения вопросов жизнеобеспечения сельского общества и сельской семьи в годы войны. Для этого характеризуется структура населения сибирской деревни. Анализируются локальные сообщества и категории сельского населения, сформировавшиеся как в период предвоенной социалистической модернизации и репрессий, так и под влиянием событий и факторов войны. Акцентируется внимание на влиянии неоднородности сельского населения на жизненные стратегии и адаптационные повседневные практики. Определяется роль традиций культуры жизнеобеспечения сельского русского населения Сибири в жизнедеятельности крестьянской семьи. Делается вывод о необходимости введения «многоголосной» источниковой базы для адекватной реконструкции исторического прошлого. **Ключевые слова:** война, сельское общество, структура населения, категории, локальные сообщества, семья, культура жизнеобеспечения, традиции, новации, устные источники, интерпретация.

Одной из проблем в развитии устной истории как нового и молодого в России направления исторических исследований является проблема интерпретации создаваемых на основе интервью устных исторических источников и введение их в научный оборот. С этой проблемой сталкиваются многие исследователи, привлекающие для реконструкции исторического прошлого другие документы личного происхождения — дневники, воспоминания, путевые заметки, мемуары. Как правило, материалы устной истории — интервью — также включают в группу

документов личного происхождения. С одной стороны, это правильно, так как любой исторический документ, созданный с помощью опросных технологий устной истории, носит субъективный характер — не в том смысле, что он априори должен рассматриваться как ангажированный, пристрастный, отражающий оценку «одного» и поэтому содержащий только субъективную информацию, что вызывает недоверие и критику со стороны ряда историков, в отличие от письменных документов, которые имеют больший «кредит доверия» в смысле объективности информации; устный исторический источник (материалы интервью) «субъективен» в том смысле, что он создается по крайней мере тремя «субъектами»: «респондентом», который предоставляет информацию; «интервьюером», формирующим комплекс вопросов, создающим фон беседы и задающим параметры мо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

билизации исторической памяти, и человеком, который транскрибирует аудиодокумент, — *«транскрибатором»*. При этом роль последнего очень велика: превращая устную речь в письменную, он может допустить критические ошибки, приводящие к искажению смысла, как, например, при выборе написания «навек» (навсегда) или «на век» (на сто лет)¹ либо при пунктуационном оформлении текста: «казнить нельзя помиловать» (изменение позиции запятой меняет смысл на противоположный). Нельзя игнорировать также характер взаимоотношений участников создания архивного письменного документа.

На самом деле любой исторический документ, и нарративный, и даже статистический, создаваемый с помощью опросных технологий, так или иначе отражает «субъективную реальность», так как показывает, «как это было» в конкретном случае и у конкретного человека или социума. Из этих субъективных реальностей и формируется картина исторического прошлого. Поэтому важной задачей является рассмотрение прошлого с позиции представителей той или иной социальной группы, того или иного локального сообщества.

На эти «недостатки» устных исторических источников можно посмотреть и с другой стороны. Социальная среда являлась базой исторических процессов, локальные группы и сообщества — участниками исторических процессов. От их позиции зависели исход исторических событий, формы исторических явлений. Особенности коммуникаций локальных групп часто определяли ход, темпы, результаты исторических процессов. Для структуры сибирской деревни 1940-х гг. важным является фактор кардинальных перемен, обусловленных социалистической модернизацией 1920–1930-х гг., при этом общество еще сохраняло этнокультурные традиции крестьянского уклада, в том числе адаптационные механизмы в экстремальных (военных) или кризисных (случаи неурожая и голода) условиях.

Сибирское сельское общество, оставшееся в глубоком тылу, образно говоря, находится на периферии исследовательских работ по истории Великой Отечественной войны. Вместе с тем от структуры населения, его состава, возможностей локальных групп, форм и характера взаимоотношений, условий жизнедеятельности, системы жизнеобеспечения населения и других вопросов во многом зависел исход войны. Анализ исследовательской литературы показывает доминирование исторических реконструкций, связанных с обеспечением фронта провиантом, вооружением, людскими ресурсами, т.е. внимание

исследователей фокусируется на непосредственном вкладе Сибири в победу над фашистской Германией. Такая одномерная трактовка не отражает многообразия исторической жизни тыловой деревни военного времени. Война активизировала многие исторические процессы, оказала многостороннее влияние на сибирское общество, но структура тылового сельского общества целенаправленно не изучалась, хотя оно было многослойным, с локальными группами, система жизнеобеспечения и условия жизнедеятельности которых влияли на главную задачу всего советского общества — «всё для фронта, всё для победы». Необходимо изучение вклада сельского тылового общества в победу с учетом его структуры, что позволит понять такое масштабное историческое событие, как Великая Отечественная война.

Подтверждением сказанному является «изоляционистский» подход к изучению депортации народов в Сибирь. Депортированные стали одной из локальных групп сибирской деревни. В исторической литературе вопросы депортации рассматриваются изолированно от истории сельского общества Сибири, преобладают работы по правовым аспектам и процессам самой депортации, тогда как вопросы вкрапления переселенцев в локальные общества, их взаимоотношения с местным населением, межкультурный взаимообмен, влияние на общественную и производственную жизнь села, подчиненную потребностям военного времени, остаются на обочине исследований. Мало внимания уделяется оценкам и мнениям раскулаченного русского населения, в стороне остаются и многие другие факторы: этические, этнокультурные и др.

Таким образом, изучение сельского общества тыловой деревни требует комплексного подхода и новых источников — прежде всего документов личного происхождения и материалов устной истории. В них отражаются глубокие внутренние трансформации, ощущения, представления, установки, жизненные позиции и стратегии всей социально-культурной палитры сельского общества сибирской деревни.

Задача автора — на примере темы адаптационных механизмов культуры жизнеобеспечения русского сельского населения сформировать требования к условиям введения материалов интервью в научный анализ и их интерпретации с учетом «многоголосия» социальной среды села в годы войны. При анализе социальной структуры сибирского тылового общества демонстрируются возможности методов устной истории для реконструкции исторического прошлого новейшей истории России с учетом этнокультурных и антропологических факторов; с другой стороны, акцентируется внимание на конкретной проблеме — структуре сельского русского населения Сибири, жизненных стратегиях и формах адаптации.

Данное исследование ограничивается рассмотрением влияния этнокультурного фактора на жизнеобеспечение и жизнедеятельность сельского общества и адаптационных способностей традицион-

¹ Известен сюжет, связанный с обвинением Екатерины II в продаже Аляски. На самом деле она сдала ее в аренду на 100 лет. Продали Аляску в 1867 г. для получения денег на «Великие реформы». В истории сохранился сюжет о неграмотном писаре, который протоколировал решение императрицы и якобы записал ее решение отдать «навек» (т.е. навсегда) вместо «на век», т.е. на 100 лет, что и дало невнимательным читателям повод обвинять императрицу в неразумности.

ной культуры в повседневных практиках военного времени. Но для комплексного исследования необходимо учитывать и другие факторы. Важное значение имели природа и климат. Культура жизнеобеспечения была обусловлена возможностями «кормящего ландшафта», что отражалось на повседневных жизненных практиках населения сельских районов, таких, например, как Романовский (степь и бор), Краснощековский (горы), Залесовский (таежное предгорье), Благовещенский (степь). Внутри этих регионов условия жизнеобеспечения сельского русского населения также были различны: на территории Романовского района это условия степи и бора, Краснощековского — гор и предгорий и т. д. Мало учитывается в антропологических исследованиях и фактор социально-экономического развития территорий: скотоводческое производство (Залесовский и Краснощековский районы), земледелие (Романовский район) и т. п. Эти факторы, так же как и этнокультурные, требуют регионального подхода. Его реализация эффективно сочетается с методикой локальной истории и устной истории.

При характеристике структуры сибирского сельского тылового общества можно выделить три подхода. **Первый** — половозрастной. Война изменила состав населения и по полу, и по возрасту, значительно ухудшив условия жизнедеятельности сельского общества в целом, в частности сформировала половозрастные группы, чьи жизненные стратегии в борьбе с неблагоприятными условиями военного времени различались. **Второй подход** при анализе культуры жизнеобеспечения был обусловлен незавершившейся социалистической модернизацией. Предвоенная коллективизация и формирование социалистического сектора в деревне сопровождались социально-экономической локализацией населения. К началу войны в деревне проживали разные категории сельского населения из бывшего единоличного крестьянства, чьи финансовые, материальные и даже правовые возможности были обусловлены формой социалистического производства. Но все они являлись носителями традиций крестьянской культуры жизнеобеспечения русского населения. Самой массовой категорией являлись колхозники (их гражданские права были ограничены отсутствием паспортов). Затем шли сельчане, работающие в совхозах — государственных предприятиях. Отдельные категории составляли сельчане, работавшие в МТС, промартелях, на предприятиях перерабатывающей промышленности (например, маслозаводы). Самостоятельные группы составляли сельчане, работающие в государственной системе образования, здравоохранения и другие категории населения. **Третий подход** был обусловлен репрессивной политикой государства. Ее истоки уходят в 1920–1930-е гг., когда сформировались группы «врагов народа», среди них раскулаченные, спецпереселенцы, репрессированные и другие категории населения, которые оказались в наиболее сложном положении в годы войны. К ним добавилось население из де-

портированных на протяжении войны народов. Способы их адаптации и их жизненные стратегии также имели свои отличия. Более того, этнические депортации способствовали межкультурному обмену в борьбе с голодом, холодом, болезнями.

Устные исторические источники, созданные с помощью разных форм опроса участников военной жизни деревни, формируют «многоголосную» источниковую базу и отражают «взгляд изнутри» представителей разных локальных страт. Их жизненные истории неповторимы своими вариациями жизненных коллизий, но в общей своей массе в характеристике семейных и трудовых традиций они выводят на общие закономерности и тенденции, демонстрируют традиции и новации в жизни сельского общества в годы войны.

Половозрастной фактор предполагает формирование «многоголосного» архива устных исторических источников и реконструкцию быта и военной повседневности с отражением возможных вариантов жизненных моделей и мобилизацией многовековых народных умений и навыков борьбы с трудными условиями, прежде всего с голодом и холодом. Анализ материалов интервью показывает разницу в условиях и формах жизнедеятельности у трудоспособного и нетрудоспособного сельского населения. Трудоспособное население было представлено русскими сельчанами, начиная с 11–13 лет (официально возрастная граница устанавливалась в 12 лет) и до 50–60 лет (официальная граница — 55 и 60 лет). В военной повседневной практике относительно жизненных стратегий и форм адаптации к военному времени сформировались самостоятельные половозрастные группы, каждая из которых имела свои условия обеспечения таких жизненных потребностей, как питание, жилище, одежда и других базовых и периферийных компонентов культуры жизнеобеспечения. Среди нетрудоспособного населения выделяются две взаимосвязанные группы: «дети войны» — от грудничков и до 11–13 лет — и представители поколения «бабушек» и «дедушек». Ни историки, ни этнографы специально не рассматривали роль поколения «бабушек» и «дедушек» в сохранении жизнедеятельности сельского общества, тогда как именно они, являясь носителями многовековых традиций культуры жизнеобеспечения, стали в военное время «подстраховщиками» сельского общества. Они выросли в традиционном крестьянском обществе с единоличными традициями, являлись носителями традиционной русской культуры и были способны организовать жизнь крестьянской семьи, особенно детей, в экстремальных ситуациях. Поэтому при исследовании истории тыла и сельского тылового общества нужно рассматривать эти проблемы с позиций разных половозрастных групп, при описании военной повседневности и военного производства необходимо включать в исторические тексты все «многоголосие» деревни.

Разные пути и формы адаптации к военной повседневности у «детей войны» в сельской среде были

обусловлены их возрастом и распределением трудовых обязанностей в крестьянской семье в соответствии с трудовыми традициями крестьянского общества, которые в военных условиях стали важнейшим инструментом адаптации. В семейном трудовом коллективе в годы войны произошло перераспределение обязанностей по содержанию дома, быта, подсобного хозяйства и огорода; с более активным включением в работу детей. В целом раннее включение детей в трудовую жизнь семьи соответствовало традициям русской культуры, но война поставила семью перед необходимостью переложения на их плечи не свойственных их возрасту функций, требующих дополнительных умений и навыков. Была передвинута граница включения детей в производственную жизнь взрослого населения. Как известно, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» был установлен минимум трудодней для подростков (12–16 лет), состоящих в колхозе, — 50 трудодней в году. Устные исторические источники показали, что на самом деле дети привлекались к общественному производству с 9–10 лет: «Ну, двенадцать лет мне было. Да какой ребенок был? Ты что! Таких детей не было! Дети тогда были только до девяти лет, а в десятый год уже на пашне были» [1, с. 85]. А. С. Худокормова так рассказывала о своих братьях: «Ребятишки осознанно шли работать. Брату Георгию Дворянкину было 12 лет, а Дмитрию Дворянкину — 10 лет. Пасли коров, овец, работали на соломокопнителе. Делали всю мужскую работу с женщинами. Землю пахали на коровах, до изнеможения, пахали и плакали, и коровы тоже плакали. Сено косили руками. По ночам копали силосные ямы, закладывали кукурузу» [17, Худокормова (Дворянкина) Анна Семеновна, пос. Майский].

Более того, существовала и опосредованная форма привлечения детей к общественному производству. Например, про женщину, оставшуюся в войну одной с пятью детьми, рассказывали, что она «младшего Васю брала на пашню, люди жалели опухшего от голода мальчика и делились с ним куском хлеба. Старший сын Марфы, Петр, с 9 лет стал работать в колхозе „Спартак“ конюхом. Марфа в этом же колхозе ухаживала за овцами. Ее два сына: семилетний Антон и Алексей восьми лет от роду — помогали пасти животных. Во время окота ей приходилось работать ночами, чтобы сберечь ягнят. Дети, как могли, помогали Марфе...» [17, Сапа (Ковтун) Марфа Иосифовна, с. Романово]. Следовательно, являвшееся традицией крестьянского мира раннее привлечение детей к крестьянскому труду на пашне, сенокосе, жатве, пастьбе скота и к другим традиционным сельскохозяйственным занятиям позволило деревенскому обществу тыловой деревни самоорганизоваться в условиях войны.

В определенной степени быстрому перераспределению трудовых обязанностей в годы войны способствовала ситуация, сложившаяся в период коллективизации. Создание колхозно-совхозного сек-

тора отрывало трудоспособных женщин и мужчин от семейного производства, но характер подсобного хозяйства требовал ежедневного вложения сил. В условиях их занятости в общественном производственном секторе возрастала роль детей. О сохранении трудовых традиций в колхозной семье говорят сами респонденты: «Приучали нас, ребятишек, к труду с детства. А иначе и быть не могло: в семье колхозников росли будущие работяги. Работать я начала рано. И преимущественно все в няньках, чтобы заработать себе на еду, на кусок хлеба... Но отец нас постепенно „втянул“ в колхоз, где и проработала всю жизнь свою. Работала и на ферме, и на пашне. Затем к лошадям приставили» [17, Блоха Мария Александровна, с. Романово]. Поэтому трудовые традиции и традиции воспитания сельской семьи русского населения послужили подстраховкой сельскому обществу в годы войны.

В среде «детей войны» сформировались самостоятельные страты. К первой страте относились дети раннего возраста, которые находились на иждивении либо бабушек и дедушек, либо старших братьев и сестер. Дети, которые росли в годы войны, вырабатывая навыки борьбы с голодом и холодом в процессе взросления под руководством старшего поколения, впитывали традиции крестьянского мира. Главными их учителями являлись бабушки и дедушки — носители традиций русской культуры: «Мой отец... весной 1940 года был призван на службу в действительную армию, а беременная мама осталась жить с его 82-летней бабушкой Анной и несовершеннолетним деверем Глаголиным Виктором Николаевичем... 28 апреля 1941 года я появилась на свет в доме у бабушки моей мамы. Декретных отпусков женщины тогда не знали. Через две недели после родов мама вышла на работу, а меня нянчила 82-летняя баба Анна» [17, Глаголина (Горжанкина) Александра Ивановна, с. Гилев Лог].

Поэтому в жизнедеятельности и жизнеобеспечении тех семей, где было старшее поколение, были более благоприятными условия. Вот как об этом рассказывала работающая колхозница 1914 г. р.: «К началу войны было у меня уже четверо детей... И — с раннего утра до позднего вечера работала. Так вот и жили. Холодно ли, голодно — не думаешь ни о чем, бросала детей на свекровь и шла на работу. Если бы не свекровь, не представляю, как бы мы выжили». [17, Костенко (Стригунова) Прасковья Кузьминична, с. Романово]. Об этом же говорила А. И. Тимошенко, 1916 г. р.: «С темна и до темна я уходила на работу, на пашню, а за детьми присматривали свекор со свекровью. Это были очень хорошие люди, которые для меня стали вторыми родителями. Вместе с другими женщинами на коровах пахали поля, скирдовали сено» [17, Тимошенко (Воробьева) Анна Игнатьевна, с. Сидоровка].

Этнографами замечена особенность респондентов 1935–1940-х гг. Они являются носителями знаний традиционной русской культуры, потому что росли вместе с бабушками и дедушками, которые

транслировали им традиции. Война же становилась причиной реализации получаемых знаний об адаптационных традициях этой культуры. Более того, государство, сфокусировавшись на борьбе с фашистской Германией, уменьшило непосредственное идеологическое влияние. Таким образом, сознание и мировоззрение «детей войны» формировалось под влиянием традиционной культуры, носителями которой были их воспитатели. Поэтому условия системы жизнеобеспечения в борьбе с голодом, холодом, болезнями и т. д. в семьях напрямую зависели от структуры семьи.

В случае отсутствия в семье тех, кто мог нянчить детей, вопросы с грудными детьми решались так же традиционно, как в крестьянских семьях при единоличном хозяйствовании: детей брали на пашню или находили способы оставить дома. Как правило, их привязывали и просили «навещать» соседских «бабушек». Типичной была ситуация, подобная описанной: «Вот, еще только война началась, а брат... он маленький был. Ему год и сколько было... может три месяца. А я-то в третьем классе училась. И вот, мама свинаркой была, а я уходила в школу. А этого мальчика на печке [оставляли]... Вот это печка русская. Вбили на печке в углу гвоздь, я не знаю или какой штырь. И вот этому мальчику сшили как сиделку... Надевали вот на него и привязывали на печке. И вот привяжут его на печке... Ой, господи! Мама на работу, а я в школу. Ну и как будто бы так и надо. А старушка там, рядом, жила старая. Она... Дома мы не запирали тогда, воров не было. Бедно жили, никто ничего не трогал. А эта старушка приходила его попроведать на печку-то, посмотреть, как он. Пришла, а он вот натянулся как-то, мама, наверное, слабо [привязала]... И вот спустился с печки... висит он и уже посинел. А бабушка-то его как схватила! Освободила там... Как они развязывали-то! И принесла его домой. ...И больше меня мама меня в школу не пустила. А это зимой. Зимой-то я была дома — никуда не ходила... мене одиннадцать лет исполнилось только» [1, с. 113–114]. В этом отрывке отразилась и традиция взаимопомощи крестьянского мира. Старшее нетрудоспособное поколение в экстремальных и критических ситуациях брало на себя заботу о малолетних детях всего сельского общества. Респонденты сами говорят об этом: «Сплоченность людей сказывалась во всем. Если дети оставались сиротами, то их брали родственники или просто чужие люди. Жил в селе дед Никита Жданов, его сначала забрали в трудармию, потом он вернулся, и вот он подбирал всех стариков и осиротевших детей. Он всегда говорил: „Жить вместе и умирать вместе“» [17, Курганская (Пархоменко) Александра Александровна, с. Долгово, Новичихинский район].

Мобилизованные на «трудовой фронт» женщины были отстранены от содержания и воспитания детей. Вот как описывают они сами степень «выключенности» из семейной жизни: «Нелегко было мне, одной-то. Испытали и голод, и холод. Когда зимой гоняли коров на водопой к реке, порой ноги пример-

зали к сапогам, а надо было идти. А какие морозы и метели тогда были! Бывало, прибегу домой, а избушку замело по самую крышу. Ни окон, ни дверей. Покричу детям в трубу, узнать, что живы, а сама опять на работу. И так несколько дней. Как они там сами, ели, не ели?» [1, с. 17]. Сами дети войны так говорят о посуточной занятости своих матерей: «Ночью мама сторожила коней. В ту пору в лесу было очень много волков, поэтому перед уходом на работу она всегда прощалась с нами, не знала, удастся ли ей вернуться домой еще или нет» [17, Волк (Попова) Нина Александровна, с. Закладное].

В таких ситуациях жизнь детей часто находилась в опасности. «Однажды мать, прибежав вечером с работы, затопила печку, устроенную типа буржуйки, с трубой в окно, которую соорудила для лучшего обогрева. Пошла на „хутор“, так называли нынешнюю Садовую, за водой. А когда пришла, то мы уже все лежали без сознания, „угорели“. Рассказывали, что нас повыносили на улицу на снег, что-то делали, но спасли. Другой раз уже холодным осенним вечером, сидя на завалинке, мы ждали мать без брата Анатолия, которого потеряли на огороде. Уже темнело, и мать с трудом нашла его спящим в картошке» [17, Агафонова (Будко) Валентина Петровна. 1933 г. р. с. Закладное]. Но большее значение в условиях перманентного голода и холода имели повседневные бытовые неблагоприятные условия. Представления о них дает следующий отрывок: «Спали все четверо на печи, топить нечем было, помню, даже потолок в доме — весь в инее... Уходила мама на работу, лампу тушила, а с работы возвращалась — зажигала. А какая лампа была: на тарелочке тряпочка, помазанная чем-нибудь, и вот ее зажигали» [17, Гордиенко (Токмань) Анна Ивановна, с. Дубровино].

Вторая группа «детей войны» была представлена подростками. Возрастные границы были подвижны, так как обуславливались и составом семьи, и ее возможностями в обеспечении жизнедеятельности. При отсутствии родителей подростковый возраст, как показывают материалы интервью, начинался и в 9, и в 7 лет. В 11–13 лет многие подростки, особенно мальчики, уже включались в производственную работу колхозного общества. В этом были свои преимущества — оплата трудодней, колхозная или бригадная полевая кухня и т. д. Дома оставались те подростки, в многодетных семьях которых не было бабушек и дедушек, чаще всего девочки, как в данном отрывке устного источника: «За грудными детьми следили старшие. Носила к матери на работу маленького Михаила — мать кормила. Несла обратно» [17, Андрулева Галина Михайловна, 1940 г. р.]. Им делегировалась ответственность за младших детей. Включение старших детей в процессы воспитания младших также было традиционным для крестьянской семьи, особенно для девочек. В традиционном крестьянском обществе существовал целый «институт» нянек, которыми были старшие девочки в семье. Формировался «институт нянек» в том числе и путем взаимобмена девочками и мальчиками между крестьян-

скими семьями. В условиях гендерного перекося в годы войны традиция «нянек» оказалась востребованной. Наталья Ивановна Одушкина рассказывала: «Мне 12 лет было, когда война началась. Первое, что мне досталось, — кроме меня было еще трое детей, а мама день и ночь на работе, а мне с ними сидеть. Младшая сестра с 39-го года. Она и маму знать не знала, меня нянькой звала... Я ее и кормила, и шила на нее, и мыла, и все на свете. А мы шибко долго одни были. Боялись, дверь запрем и колом подопрем. Так вот и жили. Голод был страшный» [5].

Дети раннего и подросткового возраста находились на разных полюсах семейного и общественно-го сельского социума, но между ними существовала очень тесная связь, так как на подростков ложилась обязанность содержания маленьких детей. Респонденты рассказывают: «Мать все время в работе была. Мне 13-й год был. За мной старший брат следил, я *слушалась его*. Мама вставала в 4 утра, готовила, и на работу. Мы просыпались и ели» [17]. Между старшими и младшими детьми сформировалась категория «детей войны», 5–9-летних детей, которые были предоставлены сами себе в борьбе с голодом и холодом. По возможности их включали в трудовую жизнь и налагали на них трудовые обязательства: посадку, прополку, полив на огороде; удовлетворять жизненные потребности и решать бытовые проблемы они учились сами, опираясь на природную крестьянскую наблюдательность и советы старших. Именно они много рассказывают о сборе дикоросов, ловчих промыслах (суслики и др.) как адаптационных практиках в борьбе с голодом и холодом. В совокупности эти факторы свидетельствовали о возвращении русской семьи в годы войны к традиционной культуре. Каждая из возрастных групп «детей войны» искала свои способы пропитания, утепления, преодоления трудностей.

Структура трудоспособного населения в военное время существенно изменилась. Мужчин массово мобилизовали в первые недели войны. Об этом говорят все респонденты: «Парней забирали в армию и днем, и ночью, обоз за обозом отправляли в Завьялово...» [17, Кальней Анна Максимовна, с. Романово]. При общем сокращении числа и самих женщин за годы войны (мобилизация на фронт и трудармию, высокая смертность) их доля в колхозном производстве выросла: в 1941 г. на 100 колхозных дворов приходилось 100 женщин в возрасте 16–55 лет, в 1942 г. — 105 [12, с. 33]. Их значение для производственного сектора показывает соотношение с мужчинами: в Алтайском крае в сельской местности на начало 1945 г. на 100 женщин приходилось всего 27 мужчин [13, с. 20]. Еще более убедительно изменения половозрастной структуры алтайской тыловой деревни отражает количественное соотношение мужчин с общей численностью населения: на 1 января 1941 г. на 100 колхозных дворов Алтайского края приходилось 49 мужчин в возрасте 16–60 лет, в 1942 г. — 26, к 1 января 1945 г. — всего 19. «Обезмужичивание» деревни приводило к увеличению роли

женщин в колхозном производстве. К концу войны 1944 г. доля трудодней, выработанных трудоспособными женщинами, среди всего трудоспособного населения составляла от 79,2% до 84% [14, с. 166–167].

Расширение объема труда женщин в общественном производстве влияло на семью, семейную экономику, распределение трудовых обязанностей. Вместе с тем включение женщин в семейное сельскохозяйственное производство являлось для крестьянской семьи традиционным. Единоличное хозяйствование требовало в основной сезон сельскохозяйственных работ напряжения физических сил всего трудоспособного населения. Женщины наряду с мужчинами работали на полях, пашнях, сенокосах, выпасах, заимках и т. п. Сезонный характер сельского хозяйства способствовал выработке гибкой системы распределения трудовых отношений в семье и семейной экономике, перераспределению обязанностей между членами семьи и мобилизации всех физических сил в пик сельскохозяйственных работ. В этом смысле семейные трудовые традиции «подстраховали» сельское общество сибирской тыловой деревни в годы войны.

В женских устных историях просматривается традиционный алгоритм труда в летнее время, на которое выпадал основной сезон заготовок в сельскохозяйственном производстве. Традиционным являлся труд с организацией совместного питания при выносных формах хозяйствования, как это уже было на крестьянской пашне или сенокосе на заимках. Можно провести аналогию между семейным обедом «на заимке» и в колхозном общественном обеде «на бригаде» или на полевом стане. Этому способствовало сохранение выносного и сезонного характера сельскохозяйственного труда. Организация обедов на бригадах или станах являлась существенным фактором системы питания трудоспособного населения сельского общества и в целом улучшала условия жизнедеятельности работников. Однако скудность организованного питания (продукты, используемые для приготовления пищи, шли в счет трудодней женщин и в при расчете вычитались) вынуждала женщин находить иные источники питания. При всей строгости контроля за «разбазариванием общественного имущества» женщины украдкой использовали убираемое зерно или овощи. То «плицу зерна поджарили — съели», то «спрятали в лесополосе ручную «рушалку», мололи зерно и втихаря там же на костре варили затируху», то «распаривали зерно в радиаторе и ели»; тайком пытались унести продукты общественного производства в семью.

Война также способствовала возвращению женщин к традиционным занятиям и промыслам крестьянской семьи по изготовлению одежды, обуви, головных уборов, руковиц, а также бытовой утвари, постельных принадлежностей и т. п. Но менялась степень участия женщин в домашних промыслах. Они, обладая определенными навыками и умениями, выполняли и мужские, и женские работы. В качестве примера можно привести отрывок из воспомина-

ний: «На моей улице, где я жила, были дети-сироты, так я им катала валенки, бригадиру катала, милиционеру тоже. В колхозе клала печки, сама возила воду на коню, месила глину конем, вообще пришлось работать печником» [17, Тимошенко (Воробьева) Анна Игнатьевна с. Сидоровка].

Традиционными для крестьянской культуры являлись и трудовые традиции, связанные с содержанием стадных животных: работа конюхов, объездчиков, пастухов, перевозчиков. Но до войны эта работа также считалась мужской. В годы войны женщины заменили мужчин. Вот как это описывает женщина-коновод: «И днем и ночью — в степи, рядом с лошадьми. И поила их, и кормила, и в брички запрягала... Заботилась, словно о детях родных. Наездником была лихим — на коня на ходу запрыгивала. Приучала к седлу еще не объезженных коней... Для жока в табуне всегда выбирала самых лучших лошадей, сама их вылавливала и объезжала... Все диву давались. Ведь не всякий мужик сможет поймать скакуна самого лучшего, резвого, своенравного... Ночью одна со стадом в степи (а было у меня до 100 лошадей). И в дождь, и в снег, волки вокруг бродят... И под плуг попадала, и в колодец падала, и лошади топтали... Единственный раз испугалась за всю жизнь, когда целая стая волков, наверное, штук 12–13 голов, окружили меня, взяли в кольцо...» [17, Блоха Мария Александровна, с. Романово].

Традиционными остались и транспортные пути, и гужевые перевозки, но мужчин опять же заменяли женщины, которые занимались перевозками людей и грузов: «Работали много. Посевная, сенокос, уборка — всегда я при деле: то на сенокосилке работала, то на лобогрейке. Зимой на лошадях хлеб возила в Алейск. Меняли его там на горючее. Приедешь домой, бывало, после длинного пути поздно вечером, отдохнуть не успеешь, не успеешь на ребятишек даже взглянуть, как наутро нужно опять ехать. Так всю войну и провела в обозе. Возила и посылки для фронта в Камень, „фэзэушников“ в Рубцовск, солдат молодых в Шипуново. В общем, всю войну почти в дорогах провела» [17, Костенко (Стригунова) Прасковья Кузьминична, с. Романово].

Таким образом, традиционные занятия и трудовые традиции подстраховали колхозную семью и сельское общество в годы войны. Новым в положении женщин стало освоение ими на производстве и в быту мужских профессий, связанных с техникой, а также расширение участия в административной работе и общественной жизни. Женщинам нужно было в кратчайший срок менять образ и ритм жизни, привычные семейные устои, осваивать новые трудовые и общественные роли [20, с. 380]. Для обучения работе на комбайнах и тракторах были организованы краткосрочные курсы. В Алтайском крае в 1941 г. с такой подготовкой работало 73% трактористов, 95% комбайнеров, 82% штурвальных [11, с. 133]. Только в 1941 г. подготовили 15 тысяч трактористок, 10,8 тысяч женщин — комбайнеров и штурвальных, 700 женщин-шоферов [16, с. 108–109]. Респонден-

ты так рассказывали об организации обучения женщин техническим навыкам: «Сразу с началом войны нас, девчат моего возраста, вызвали в сельский совет, дали мобилизационный листок и отправили в Буланиху, что за Бийском, учиться на комбайнера. Проучившись месяц, познав только азы своего дела, возвратилась домой на уборку. Потом уже в Мамонтово училась на комбайнера, так сказать, повышала квалификацию. У меня ведь 11 лет механизаторского стажа. В 1943 году послали меня в Ребриху учиться на дизелиста...» [17, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна, с. Романово].

При этом надо учитывать, что оставшаяся в селе техника (10% тракторов и 30% комбайнов) [2, с. 89] была примитивной, отсутствовали техническая безопасность и элементарные санитарно-гигиенические условия. Вот как об этом говорит тот же респондент: «Тогда ведь комбайны были не в пример сегодняшним, прицепные, то есть их тащил трактор. Вот так и работала на них с молчаливым упорством... Было трудно, трудно потому, что война, голод и холод. Трактор без кабины, и снег ли, дождь ли — все твое, уж чем-чем, а этим были богаты» [17, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна, с. Романово]. Или: «В годы войны работала в колхозе имени Димитрова, в бригаде, расположенной под Мормышами. Трактор колесный, без кабины, вместо сиденья — солома». Мужские профессии и тяжелая техника были выше физических возможностей женщин: «Работали по 20 часов в сутки, оставляя времени на отдых „совсем ничего“. Сменщиков не было. Трактор без световых приборов, поэтому, когда работали ночью, перед трактором кто-нибудь, обычно подросток, шел с фонарем. С ранней весны и до глубокой осени жили в бригаде. Убирали зерно лобогрейками, а чуть позже — комбайном С-1, копнителю деревянные, поэтому зерно выгружали вручную, заполняя мешки и укладывая их в бричку. Женщинам помогали мальчишки-подростки. Было тяжело, особенно детям, а помочь нельзя, так как женщинам надо успевать менять мешки и укладывать на брички» [17, Сидорова (Синяговская) Домна Васильевна, с. Закладное].

На производстве от женщин требовались физическая сила и мужские навыки. Им приходилось приспосабливаться к выполнению работ, не свойственных их природе. Адаптация женщин к повседневным военным практикам заключалась и в распределении работ на производстве по силам. Дочь вспоминала о своей маме: «Люди называли маму „кулачка“, она была крупная, поправилась [имеются в виду тяжелая болезнь и выздоровление] после всего, что перенесла, и работала она на самых тяжелых работах. Под мешки, где грузить, ее ставили. На станцию с возом — тоже ее. В скирды сено подавать — тоже ее. Зерно веяли вручную на веялках, крутили женщины. Если попадалась невысокая [женщина], чурку ей под ноги подставляли» [17, Гордиенко (Токмань) Анна Ивановна, с. Дубровино].

Несмотря на то, что в военных условиях менялся и образ женщины, и представления о ее месте и

в семье, и в обществе, и на производстве, базировались эти новации на традициях. Война не отменила основное предназначение женщины в традиционной культуре — заботу и ответственность за детей и старших членов семьи. Сохранялась и традиционная взаимопомощь: несмотря на тяжелое положение с питанием в семье, работающим женщинам и подросткам старались отправлять из дома и молоко, если была корова, и картошку. Об этом существует много свидетельств: «Работаешь, работаешь, а есть-то хочется. Так все и выглядываешь, скоро ли принесут из дома бутылку молока и кусочек хлебца, который бывал редко» [17, Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна, с. Романово].

Для доставки из дома продуктов на бригаде обычно выделялся отдельный человек, который регулярно уезжал из бригады на лошади с телегой или бричкой в село за «посылками». Повсеместно на Алтае, например, была распространена традиция помечать свою картошку, выцарапывая на ней первую букву фамилии или имени. По этой метке картошку после варки в общем котле раздавали «адресатам». Работающие родители пытались решать проблему питания детей со своей стороны. Женщины вспоминали: «Приходя ночью с работы, детям приносила свой паек — кусочек хлеба да чашку гороха, зная, что дома ждут голодные дети» [17, Тимошенко (Воробьева) Анна Игнатьевна, с. Сидоровка]. По словам Домны Васильевны Сидоровой, «с ранней весны и до глубокой осени жили в бригаде. Питались в основном овсяной кашей: овес размалывали на ветряной мельнице, а потом из такой муки делали галушки. Иногда по 1–2 галушки удавалось передать дочери в подарок» [17, Сидорова (Синяговская) Домна Васильевна, с. Закладное].

Важным фактором развития системы жизнеобеспечения женщин являлось отсутствие квалифицированной помощи, в которой они нуждались при тяжелом мужском труде и при высокой степени травматизма на тяжелой и несовершенной технике. В устных источниках вспоминают и «трактора без кабин», и «трактора на дровах», и «трактора без света» (фар), и другие виды предвоенной техники. О распространенности травм и отсутствии медицинской помощи зафиксировано много свидетельств участников военной жизни: «А трактор-то колесник... видно, задремала, нога соскользнула на серье. Вот меня и потащило этим боком. А *Фимка Ворсина, бригадир*, даже в больницу не пустила» (Ф. Н. Шевелева). Но факты травматизма сами респонденты связывают не только с профессиональной непригодностью женщин на «мужских» работах, но и с изнурительным ненормированным трудом, жестким трудовым режимом, чрезвычайным напряжением физических сил, полуголодным существованием. Даже работа на полях или со скотом требовала от женщины мужской силы и умений. Женщины рассказывают с юмором, как «на быках пахали. Там быки были худенькие, то ли я его везу, то ли он меня. Он возьмет, упадет, а мне его жалко, а нам бригадир

сказал: если не вспашете, будете здесь ночевать, вот и с горем пополам вспахивали». [7]

В борьбе с болезнями женщины прибегали к народной медицине и бытовому опыту. Основным лекарством в годы войны для женщин стали травы. Одна из женщин рассказывала: «Один раз распорол мне ногу. Женщины травы всякой нарвали, вот так и лечилась» [8]. Народная медицина и народный опыт санитарии и гигиены стали частью жизненных стратегий и системы жизнеобеспечения сельского общества. Показателен следующий отрывок: «...Ее трактор боровами заборонил [ночью]. Тада же не было огня, и у тракторов не было свету. [Сами светили]... такой ящичек сбитый со всех сторон, стеклышки, там стоит пузырек, из железки сделанный. Тряпочку намочишь в керосин — и в пузырек... зажгешь. И вот она с этим фонарем и ходила [впереди трактора, чтобы показывать подруге-трактористке направление движения при вспашке поля]. Фонарей-то не была. Она [шла перед трактором вдоль борозды] показывала... чтоб она [трактористка] не заехала [в сторону]... То есть, когда уже темно становилось, она ходила вот с этой лампой... Всю ночь ходила... Видимо, [трактористка] задремала на ходу... от трактора ей надо была уйти... Она... ой, страшно, борова, одной, потом... второй ряд, потом третий... Ну, все ноги покорежило ей. В больницу увезли. Да там тада не лечили» [6].

Материалы интервью показывают, что для замены медицинских средств (вата, бинты, лекарства) пользовались природными материалами. Для личной женской гигиены использовались пакля, изгреб и другие материалы, для лечения — свежие и сушеные травы. Как говорила М. И. Пономарева, женщина в случае травмы «домой едет, а дома уже репей столкешь и эти раны заливаешь... Репей... прям лопух листьев толкешь... Их как вымоешь, нарвешь, пыль-то смоешь, и потом они обтекут. И их толкешь — ступа железная и пестик железный. Вот этим толкешь, толкешь. Он водичку-то даст, этот сок-то. Ее выжмешь, и этим заливали. И оно зарастало. И... открытые раны мазали... Скотина же... будается. Тут волки у нас ходили. Много коней рвали. Вот зад вырвут вверху — и тоже репьем. Только репей. Вот щас его лопухом зовут, а мы тада репьем называли... Легкие им лечили. Вот этот сок нажмешь... выстоится, зелень все стоит внизу, а эта водичка... Чистая прям, как эта вода. Вот ее пили. И желудок, и всё... Он... вот когда изжога, дак нарвешь лопуху листьев. Ой, горький! Ну, лечились — говорят, лекарство у вас такое хорошее... У нас травы есть везде, и в бору, и в степи, вот, тада же травами лечились» [6]. Таким образом, замещающие технологии народной медицины, санитарии и личной гигиены свидетельствуют о том, что женщины не потеряли традиций крестьянской культуры, которые являлись важнейшей составляющей формирования таких новаций, как расширение объема работ женщин на производстве и в освоении мужских профессий.

Репрессированные составляли особую категорию русского сельского населения Сибири. Они

сформировались из местного населения в сибирской деревне в ходе репрессий 1920–1930-х гг. и в военное время. К сельскому населению военного времени массово применялся известный закон о колосках [15]. Если в период коллективизации этот закон рассматривался как «драконовские социалистические меры», без которых «невозможно установить новую общественную дисциплину, а без такой дисциплины — невозможно отстоять и укрепить наш новый строй» [18, с. 240], то в годы войны он оказался направлен на работающих в колхозах женщин, вынужденных идти на его нарушение для обеспечения семьи питанием, важнейшим элементом системы жизнеобеспечения. О массовости нарушений этого закона говорят многочисленные устные свидетельства: «Стоял здесь очень здоровый амбар — „глубинка“, в котором хранилось зерно. Мы его ходили переворачивать, и тайком набирали зерно в карманы, чтобы дома было что есть» [17, Морозова Елизавета Климентьевна, с. Гилев Лог]. Чаше всего фиксировались нарушения, связанные именно с зерном: «Чтобы выжить, приходилось во время посевной ворошить семена. Бывало, украдкой возьмешь горсть-другую, потом поджаришь на железке над костром и съешь, чтобы никто не увидел» [17, Сидорова (Синяговская) Домна Васильевна, с. Закладное]. Под контролем находились и другие продукты: «Мама до войны была домохозяйкой (их семья не вступала в колхоз. — Т. Щ.), а потом устроилась на работу на маслозавод, там сушили картошку, и чтобы хоть чуть-чуть нас поддержать, она шла чуть ли не на преступление. Мы приходили к ней на работу, а она нам в карманчики напихает картошки и гонит прочь» [17, Волк (Попова) Нина Александровна, с. Закладное].

Массовые кражи зерна вела к массовым репрессиям. В семье деда Никиты Жданова, который «подбирал всех стариков и осиротевших детей» «его жена во время войны пошла тайком на убранное поле и собрала колоски, так вот за эти колоски ей дали 10 лет тюрьмы. Она сколько-то просидела, а все село написало кассацию в край. И ее отпустили, дома у нее оставалось шестеро своих детей и несколько человек взятых» [17, Курганская (Пархоменко) Александра Александровна, с. Долгово Новичихинского района]. При применении наказания не учитывалось, что дети оставались без матерей сиротами, занимались попрошайничеством и бродяжничеством. Так, Анатолий Федорович Савченко остался в 6 лет один после ареста матери за кражу зерна из колхозной риги, «ходил — побирался, питался тем, что подадут, ночевал у чужих людей. Не я ел пищу, а вши ели меня». Вот как он об этом рассказывает: «Мне шесть лет, брату три. Бедная мать мыкалась, не зная, как свести концы с концами и прокормить нас. Мы ведь ей еще были не помощники — больно малы. Голод и крайняя нужда толкнули ее пойти с другими женщинами, крадучись, помести в хлебной риге зернышки, переточенные крысами и хорьками. Намела вместе с землей килограмма 3–4 зерна, и, на горе, попалась проверяющим. Ни слезы, ни мольба о голодных де-

тях не тронули начальство. Мать осудили и дали несколько лет тюрьмы. К этому времени у брата заболели легкие, он совсем ослаб, и маму отпустили на неделю к нам. На ее руках братик и умер. Похоронив его, она отправилась отбывать наказание... В тюрьме мать заболела. Лечить ее не стали и в 1944 году освободили по болезни. Вернулась она в село больная...» [17, Савченко Анатолий Федорович, с. Сидоровка].

«Дети войны», оказавшись невольными свидетелями арестов женщин, настолько впечатлялись происходящим (в том числе и потому, что так делали их мамы), что запоминали на всю жизнь виденное или услышанное о наказаниях односельчан: «У нас одна женщина... Может быть, и простить бы ее! А та женщина сторожила зерностан. Ну, сторожила и взяла, тута подпоясалась и в пазуху насыпала пшенички. Муж уже погиб, пришла похоронная, и три девочки у ей осталось. Ну, откуда ни возьмись, — уполномоченный. Райком посылает в каждый колхоз как контролера. А она расстроилась, застеснялась. Туды-суды... Он: „Бабушка, а что с тобою?“ Ну... что? Он догадался. Она высыпала... Вот так вот подняла подол, вот так как было у ней привязано, — это все высыпалось. Смерили, свешали — три килограмма. Ну, три года и получила. Трое детей остались» [1, с. 108].

К категории репрессированного населения можно отнести и те семьи, трудоспособные члены которых, женщины и мужчины, были мобилизованы в трудармию. Как правило, в нее отправляли членов тех семей, которые так или иначе были «уличены» в антисоциалистических действиях в предвоенное время, были раскулачены или репрессированы. Необходимо подчеркнуть, что вообще мобилизация в трудармию началась с местного населения. Но в отечественной историографии история трудармии в годы Великой Отечественной войны проработана в основном относительно немцев. По сведениям Г. А. Гончарова, «первые мобилизованные в „рабочие батальоны“ советские граждане были этническими русскими, украинцами, немцами, финнами, представителями многих других наций и народностей. Советские этнические немцы во время Великой Отечественной войны считались особенно неблагонадежными. Именно поэтому они составили основную часть мобилизованных в трудармии. Также в трудармию направлялись освобожденные военнопленные» [10, с. 156]. «Трудармии» — это временные трудовые коллективы, существовавшие в 1942–1946 гг. в системе принудительной трудовой повинности населения. Фактически они являлись военизированной организацией и представляли собой разновидность трудовых поселений и «колонизации» [9, с. 727–729]. Формально все мобилизованные считались свободными людьми, но на деле их жизнь регламентировалась инструкциями Комитета обороны, а контроль за мобилизацией и содержание возлагались на НКВД. Как правило, их труд использовался на добыче полезных ископаемых, лесозаготовках и в строительстве [10, с. 157].

О массовой отправке русского сельского населения также свидетельствуют многочисленные устные источники. Про того же деда Никиту Жданова односельчане говорили, что «его сначала забрали в трудармию, потом он вернулся». У Зинаиды Семеновны Молчановой (Красновой) «в первые месяцы войны отца забрали в трудармию, и больше ни жена, ни дети о нем ничего не знали» [17, Молчанова (Краснова) Зинаида Семеновна, с. Грановка]. Любовь Александровна Соколова (1935 г. р.), родившаяся в ссылке (с. Ярцево, Туруханский р-н, Красноярский край) в семье раскулаченного деда и бабушки Андрея Гавриловича и Евдокии Акимовны Нескоромных (с. Петровка, Славгородский район, Алтайский край), рассказывала, как в трудармию была отправлена ее мама Устинья Андреевна Успенская (Нескоромных), имевшая на руках двух дочерей (7 и 9 лет).

Респонденты скупы в своих оценках: «Пришло извещение о смерти маминого отца, Горжанкина Ивана Трофимовича. Он находился в трудовой армии в г. Новосибирске. *Работал на фронте, на побегу, а умер от голода...*» [17, Горжанкина Александра Ивановна, с. Гилев Лог]. Но так или иначе фактор трудовой мобилизации напрямую влиял на систему жизнеобеспечения семей: «Мы ушли жить к маминной маме, к моей бабушке, которая к тому времени тоже осталась одна. Решили, что так легче будет выживать и ждать вестей с фронта. В наш дом вселились немцев-переселенцев» [17, Горжанкина Александра Ивановна, с. Гилев Лог].

Причиной отправления в трудармию являлось и нарушение жесткой дисциплины военного времени или неподчинение контролирующим (уполномоченным). Т. М. Тарасова (Климова), 1904 г. р. (с. Староалейка), рассказывала: «Я вступила одна из первых в колхоз „Верный путь“ в 1930 г. Была активистка, заведующая яслями. А в войну бригадиром — изпод пули заставили. Тогда были политотделы. Начальник политотдела вынул наган: „Ты на кого работаешь?! На немцев? Сейчас я тебя расстреляю“. Я в слезы...» [20, с. 383]. Требования к работающим на производстве в условиях военного положения ужесточались, невзирая ни на семейные обстоятельства, ни на здоровье; массово применялись наказания в виде лишения свободы и ссылки в лагеря или мобилизации в трудармию. А. И. Аболихина рассказывала: «В войну я заболела и пошла в больницу в Ульяновку пешком [из Устаурихи]. Иду в больницу, а на встречу управляющий едет: „Куда нарядилась? Воспаление хитрости у тебя, да?“ ...В больнице справку на три дня дали. В войну больше не давали... Хину пила от малярии... Еле потом отходилась...» [20, с. 383].

Неумолимость наказания создавала «фронтные» условия для тыловой деревни, что делает выражение «трудовой фронт» не метафорой, а обозначением реального исторического явления: «После смерти дочери я училась в Майске на тракториста... На колесном тракторе обрабатывали пары, крутили мельницу На ремонт технику гоняли в гилевскую

МТС. Во время ремонта в МТС в начале дня на доску вешали свои номерки (что-то вроде пропуска), а в конце работы их забирали. Однажды Манька Кузина и я опоздали на несколько минут и не успели вовремя повесить на место номерки. А после рабочего дня нас пешком отправили в Завьялово в милицию. Оттуда нас отправили в Камень на лесозаготовки на три месяца. Вместе нас отпустили домой, и мы шли пешком голодные. В деревнях заходили в дома, побирались. Кто картошку даст, кто еще чего.. За деревней пекли картофель, съедали и шли дальше. Затем работали в колхозе дальше» [17, Морозова Елизавета Климентьевна, с. Гилев Лог].

Наконец, к формированию самостоятельных категорий русского населения в сельской среде привела социально-экономическая политика советского государства. Несмотря на заявленную государством программу формирования единого советского народа, деревенское общество оказалось перед лицом войны неоднородным. Социалистическая модернизация в корне изменила структуру сельского населения. В контексте социальной и экономической политики советского государства сформировались самостоятельные категории населения: колхозное крестьянство (крестьянство колхозно-кооперативного сектора народного хозяйства), рабочие совхозов (совхозных государственных предприятий), работники МТС, рабочие леспромхозов, сельское население промартелей и перерабатывающих предприятий (маслозаводы, сырзаводы и др.). Отдельную группу составляла сельская интеллигенция и представители администраций. Все они отличались степенью сохранности культуры жизнеобеспечения, а также гражданскими, и социально-экономическими характеристиками. Для анализа адаптационных практик данных категорий необходимо рассматривать культуру жизнеобеспечения сельского русского населения Сибири в контексте исторических событий. Этот фактор мало учитывается исследователями и в исторических, и в антропологических, и в этнографических работах, на что автор неоднократно обращала внимание в своих публикациях [19, 20].

Социально-экономическая дифференциация нашла отражение в народной интерпретации исторической практики. Респонденты отмечали разницу между категориями деревенского общества и пытались объяснить для себя сформировавшуюся неоднородность сельского общества: «Прошла коллективизация, сельское население поделилось на несколько сословий. Крестьяне стали колхозниками, остальное население, работающее в других организациях, — рабочие, служащие. Учителя, врачи и работники других предприятий — сельская интеллигенция. В остальных организациях — просто рабочие. Колхозники не считались государственными работниками, а колхозно-кооперативными работниками, им не выдавались паспорта и другие документы. Они не могли никуда уехать без разрешения собрания. Молодежь могла выехать из села: призыв в армию, вербовка на строительство метрополитена или

фабрик и заводов. Что молодежь и делала, большинство уезжало на вербовку» [1, с. 91].

Наиболее массовыми сельскими «сословиями» сибирской деревни были колхозники и рабочие совхозов. Анализ устных исторических источников позволяет говорить об ухудшении условий жизни бывших крестьян в совхозах. Эта тенденция военного времени отличалась от тенденций мирного времени, когда, наоборот, колхозное крестьянство находилось в менее благоприятных условиях из-за трудностей, натуральной оплаты труда крестьян, ограничения размеров личного подсобного хозяйства и невозможности выехать из деревни на заработки (один из способов адаптации колхозного крестьянства перманентно нищих колхозов). Достоверность этой тенденции подтверждается повторяемостью сюжетов в устных исторических источниках, в которых информанты сравнивают возможности крестьянства колхозов и совхозов: «В селе был колхоз и совхоз. Колхозники жили получше, так как могли оставить себе и пшеницу на муку, и молоко, и скот на мясо. В колхозе во время войны было еще несколько коней. В совхозе дела обстояли хуже — там все сдавали государству... И коней. Поэтому за горючкой ездили на быках, которых запрягали в сани. Закатывали в сани бочки железные и отправлялись обозом в семь пар быков за 150 километров снежными дорогами» [1, с. 43].

Колхозное производство в годы войны позволяло организовать питание для работающих колхозников. Самым распространенным блюдом в колхозной бригадной столовой были болтанка, или затирка (затируха)¹: «Питались во время работы в бригаде... а что там было у войну. Пшеницу отходы... сварят эту затирку колхоз. Только был там повар... вообще так там варили затирку там или суп или картошку — это все колхозное. Затирка — это муку с яйцами натираешь. Растирают ее, делают она как мелкая, и у кипятка — сварили и едим» [1, с. 106]. Это блюдо из протертой или молотой пшеницы, запаренной в воде. Отсюда и ее названия — «затирка» от слова «затирать» (молоть) или «болтанка» — «разболтать» в кипятке молотое зерно и заварить: «Бывало, там же, на бригаде еще когда пшеничку поджарят и кашку какую-нибудь сварят — вот и вся еда» [14, А. Голотова (Костенко) Надежда Тихоновна, с. Романово].

Обеспечение питанием при выездных формах ведения колхозного хозяйства было возможно именно в колхозах, с оплатой трудоднями, в которые включали и то, что колхозники съедали в «бригадных столовых». Вот как в описании респондента, которая была поваренком на бригаде, выглядела организация питания: «Забрали в бригаду поваром... *А там день и ночь молотят*, и вот три раза на день кормить. И *картошку едешь в поле черт-те куда, копаешь сам. Мешок вот накопаю*, и вот тогда привезу. Конь у меня был, ездила за продуктами, получала сама... У меня будка была, будка... у нас она деревян-

ная была, на санях... В будке была посуда... вот уже *осенью варишь в будке*, котел там делали нам... До снега, пока не кончишь, хлеб не убережешь... Вот *вода застынет, лед, я продолблю, в котел наливаю, разогревала...* три ведра уходило в его. *А варили соломой*. Вот машина молотит [солома остается]... вот этой соломой. На молотяге 40 человек. Вот я их кормила, 40 человек... Ну там чашек если 10, сразу не выдавали... Кто из дому принесет, так есть своя...» [4].

Дополнением к колхозным продуктам были дикоросы и мелкие грызуны, которых можно было добыть в дикой природе. Так появлялась в бригадном «меню» картошка с мясом: «Большим подспорьем в питании стали суслики. Ловили их чаще выливанием воды в норы. На полевом стане была большая общественная баня. Котел в ней стоял огромный и мог вместить десятки тушек сусликов для жарки. Словом, летом можно было жить» [17, Крымский Иван Васильевич, с. Романово].

Совместный труд, совместно произведенный или добытый продукт являлись важной составляющей питания как базового компонента культуры жизнеобеспечения колхозного крестьянства. Но, как правило, использовали его скрытно. Вот как об этом говорит женщина, которой пришлось в годы войны работать инструктором комсомола и выполнять обязанности уполномоченной: «Колхозы им. Буденного, „Красная пашня“, „Новый путь“ план перевыполняли, но похитрее были. Там же лес кругом, они площадки посеют кругом, много площадок оставалось без учета, а значит, зерно оставалось. А у нас в Лежаново посеют 100 га, то 100 га и сдай. Я — грешница. Меня направляли в колхоз „Красная пашня“ (Верх-Каменка). Приехали — женщины одни. А я полномочна от райкома комсомола — вот до грамма обмолоти, до грамма сдай, не выезжай. Председатель: „Ну что делать? Мы опять бабенок оставим без хлеба, а у них 4–6 детей“. Я говорю: „Ну как сделать?“ Он говорит: „Ну в чем дело? У тебя в сводке 60 га, значит, 60 га и сдавай“. Ночью, чтобы никто не знал, никто не видел, я разрешила разделить по бабенькам. Но если бы только узнали — тюрьма» [3].

Вследствие этого самые тяжелые условия оказались у тех групп, источник доходов которых зависел от заработной платы в государственном секторе. Среди них были рабочие совхозов и сельская интеллигенция: «Тяжело жили. Вот были такие у нас Павловы. Они ушли на Рубцовку, но это в войну. У их семеро детей, отца забрали. Он был счетоводом у нас, а жена не умела даже выращивать вот картошку. Ну надо ж это! Не могла она этого делать, и вот они ходили побирались. А ведь это побираться — в месяц раз прошел, а они каждый день ходят. Ну, кто будет [подавать так часто]... Кто подаст, а кто не подаст, и она ушла. У город ушла, у Рубцовку, и спасла всех детей — Господь помог. И шла по деревням, побиравшаяся и спасла детей всех» [1, с. 116].

Таким образом, при изучении повседневных практик и адаптации системы жизнеобеспечения сельского общества и сельской семьи в годы вой-

¹ Затируха — жидкая пища, приготовленная из растертой муки, овощей и т. п. в воде или в молоке.

ны необходимо учитывать наличие различных категорий населения, а в научных текстах — уходить от обобщенных оценок, дифференцированно изучать культуру жизнеобеспечения и трактористов МТС, и рабочих леспромхозов, и сельскую интеллигенцию.

Подводя итог, необходимо заметить, что изучение сельского общества сибирской деревни в годы войны требует дифференцированного подхода в изучении системы жизнеобеспечения и ее опоры на традиционную культуру. Несмотря на то, что в годы войны наблюдался общий откат к традиционным явлениям у всех локальных групп, их жизненные стратегии, формы и пути адаптации различались, так как для одних условия жизни были просто трудными, а для других — экстремальными. Традиционная культура жизнеобеспечения населения стала основой системы жизнеобеспечения и жизнедеятельности крестьянской семьи у разных категорий сельского русского населения. Требуют анализа адаптационные механизмы крестьянских традиций, ставших основой повседневных практик военного времени у разных локальных групп и категорий русского населения. Необходимо рассматривать этнокультурные процессы в историческом контексте, а для этого нужно отказаться от усредненной картины «всем было тяжело», показать, какие группы или категории населения существовали, какие жизненные модели и стратегии выработали, какие имели источники для материального и духовного благополучия. Таким образом, следует вводить этнокультурный материал в исторические исследования. Только во взаимодействии истории и этнографии можно

составить адекватное комплексное представление о том, «как это было». Реализация этих подходов возможна только с привлечением новых устных исторических источников и их правильной интерпретацией.

Shcheglova Tatyana

Altai State Pedagogical University

Social environment and local communities in Siberian village during the Great Patriotic war as the factor of adaptation mechanisms of life sustaining culture of Russian rural population in everyday practices: to the problem of interpretation and introduction of oral historical sources (interview materials) into scientific texts

The article raises the problem of introduction of interview materials (oral history) and regional approach into scientific texts. The problem is being solved in terms of issues of rural community and rural family life sustainment during the war years. For this purpose the structure of Siberian village population is being analyzed. The author also analyzes local groups which were formed either in the period of pre-war socialistic modernization or under the influence of war factors and events. The special accent is put on the influence of social-cultural differentiation on life strategies and adaptation everyday practices. The article reveals the role of tradition of life sustainment culture of Siberian Russian rural population in life activity of peasant family. The conclusion about the necessity of introduction of «polyphonic» source base for adequate reconstruction of historical past is made. **Keywords:** *war, Siberian village, rural community, population structure, local strata, family, life sustaining culture, traditions, innovations, oral sources, interpretation.*

Источники и литература

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / науч. ред. Т. К. Щеглова, Л. М. Дмитриева; ред. Л. А. Виганд. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. 447 с.
2. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 500 с.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993 г.: Алтайский р-н, с. Алтайское, Букшина М. Ф., 1919 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1995 г.: Усть-Калманский р-н, с. Усть-Калманка, Шмакова (Булгакова) Дарья Петровна, 1928 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский р-н, с. Закладное, Одушкина Н. И., 1928 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский район, с. Конево, Пономарева М. И., 1927 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Панкрушихинский р-н, пос. Сухие Ракиты, Вдовенко Е. И., 1927 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский р-н, с. Макарово, Гребнева Е. Ф., 1926 г. р.
9. Великая Отечественная война: 1941–1945: энцикл. / гл. ред. М. М. Козлов; Ин-т военной истории МО СССР. М.: Сов. энцикл., 1985. 831 с.
10. Гончаров Г. А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзор / под ред. Л. И. Бородинки. Вып. 7. М., 2001. С. 154–162.
11. Гуцин Н. Я., Пановский Л. С. Вклад колхозного крестьянства Западной Сибири в обеспечение страны продовольствием и сырьем // Трудящиеся Сибири — фронту: к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1975. С. 113–162.
12. Ильиных В. А. Личное хозяйство колхозников в 1930-е — конце 1950-х гг. // Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири, конец 1920-х — 1980-е годы / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Изд-во Ин-та дискрет. математики и информатики, 2001. С. 53–79.
13. Исупов В. А. Соотношение полов в населении Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 18–24.
14. Моховикова А. Е. Трудовой подвиг женщин-колхозниц Сибири // Трудящиеся Сибири — фронту: к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1975. С. 163–179.
15. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении

- нии общественной (социалистической) собственности»// Советская Сибирь. 1932. 13 авг.
16. Рейхруд М. И. Решение проблемы сельских кадров в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. Новосибирск, 1965. С. 108–109.
17. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Рукопись. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
18. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 / сост. О. В. Хлевнюк [и др.]. М.: РОССПЭН, 2001. 797 с.
19. Щеглова Т. К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы / Барнаульский государственный педагогический университет, Кафедра отечественной истории; [редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.), А. В. Контев]. Барнаул, 2005. С. 387–417.
20. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 527 с.

Салахова Лариса Марсовна

Жизненные стратегии ангарских старожилов в условиях советской модернизации второй половины
XX в. 354

Смирнова Татьяна Борисовна

Устная история как источник по депортации немцев Поволжья. 361

Щеглова Татьяна Кирилловна

Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных
механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945
годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты 366

Список авторов 379

Список сокращений 382